

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О суде. Декрет СНК РСФСР / История советской прокуратуры в важнейших документах. М., 1952. С. 56.
2. Черлюнчакевич Н. А. Задачи нашего IV Всероссийского съезда // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 1. С. 4.
3. Эстрин А. Я. Губотюст и органы борьбы с преступностью // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 1. С. 5.
4. Проект декрета о государственной прокуратуре, разработанный Наркомюстом // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 1. С. 8.
5. Саврасов Л. По поводу проекта декрета о государственной прокуратуре // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 2. С.1.
6. Ленин В. И. О «двойном» подчинении и законности. Полн.собр. соч. Т. 45. С. 197.
7. Конституция РСФСР 1918 г. / Хрестоматия по истории государства и права России: Учебное пособие. Сост. Ю. П. Титов. М., 2002. С.309.
8. История государства и права зарубежных стран. Учебник для вузов. Ч. 2. / Под ред. О.А.Жидкова, Н.А.Крашенинниковой. М., 1999.
9. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Распятые революцией: российские и советские прокуратуры. XX век. 1922-1936 гг. М., 1998. С.27.
10. Проект декрета о прокуратуре // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 9. С.12.
11. III сессия ВЦИК // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 18. С.6.
12. Ленин В. И. О «двойном» подчинении и законности. Полн. собр. соч. Т.45. С. 197.
13. Ленин В. И. О «двойном» подчинении и законности. Полн. собр. соч. Т.45. С. 201.

Юрий Алексеевич ПОЛЕТУХИН —
 доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
 Челябинского юридического института МВД РФ,
 кандидат исторических наук

УДК 340 (092)+929

**ШАРЛЬ ЛУИ МОНТЕСКЬЕ КАК МЫСЛИТЕЛЬ
 УМЕРЕННО КОНСЕРВАТИВНОГО ТОЛКА**

АННОТАЦИЯ. Автор доказывает, что Ш. Л. Монтескье как мыслитель был близок к таким известным консерваторам как Э. Берк и А. Гамильтон. В статье рассматриваются взгляды Монтескье на уголовную политику и соотношение преступления и наказания. Автор делает вывод, что в современной России законодатели часто игнорируют соображения Монтескье.

The author considering Montesquieu's views on the crime policy and the correlation of the crime and the penalty proves that Montesquieu as thinker was close to such famous conservatives as E. Burke and A. Hamilton, and arrives at the conclusion that Montesquieu's views on the crime policy often are ignored by legislatives in the modern Russia.

Вклад Шарля Луи Монтескье (1689-1755) в развитие правовой мысли бесспорен и признавался самыми разными специалистами в области политической и правовой мысли [1]. Вместе с тем представляется, что его заслуги в данной области до сих пор не оценены в полной мере.

Принято связывать творчество Монтескье с разработкой концепции разделения властей [2]. Однако он мыслил гораздо глубже, и данная теория является лишь частью более обширной доктрины. Монтескье разработал свою концепцию основ законодательства, оставил до сих пор актуальные рекомендации по оп-

ределению соотношения преступления и наказания, сформулировал общие принципы уголовной политики.

Более того, представляется, что некоторые идеи Монтескье просто искажены комментаторами. Так, практически общим местом стало утверждение, что он безоговорочно выступал против суровых наказаний. Например, в знаменитой статье М. М. Ковалевского, изданной впервые в 1900 г. как вступление к русскому собранию сочинений Монтескье, утверждается, что французский мыслитель доказывал «бесполезность и вред суровых наказаний» [3]. На самом же деле, как показывается ниже, Монтескье увязывал применение наказаний с уровнем развития общества и с уровнем преступности.

Огромный объем изученных разнообразных правовых актов, действовавших в разные исторические эпохи, позволил ему сделать некоторые выводы универсального характера.

Принято ставить Монтескье в один ряд с такими мыслителями как Ж.-Ж. Руссо, К. А. Гельвеций, П. А. Гольбах, Д. Дидро, выразившим идеологию Просвещения и способствовавшим приближению французской революции XVIII века. Однако представляется, что по многим принципиальным позициям Монтескье гораздо ближе к английскому политику и мыслителю Э. Берку, чей труд «Размышления о революции во Франции» [4], считается классикой и манифестом консерватизма. Наблюдается сходство во взглядах и с американским консерватором А. Гамильтоном, основным автором серии статей в защиту американской конституции 1787 года, позже изданных в книге «Федералист» [5], которая по сей день считается главным вкладом американских авторов в развитие политической и правовой мысли. И Берк и Гамильтон написали свои труды после Монтескье и, видимо, во многом развивали его идеи.

Сходство Монтескье с классиками консерватизма видится, прежде всего, в осторожном отношении к идее прогресса как общества в целом, так и человеческой природы, в скептическом отношении к возможностям человеческого разума, в признании за человеком, в первую очередь, прав на безопасность, собственность. Свобода же, в отличие от мыслителей левого толка, у консерваторов неизменно ограничивается различными социальными регуляторами.

Логика рассуждений Монтескье строится на отрицании случайностей. В любых явлениях он пытается найти жесткие закономерности. «Все частные причины зависят от некоторого всеобщего начала» [6]. Право не является исключением.

Концептуально Монтескье близок к тем мыслителям, которые считали, что законодательство должно лишь отражать существующие независимо от него природные закономерности, но не искажать их. Широко известно его положение о том, что законы в самом широком смысле этого слова — это «необходимые отношения, вытекающие из природы вещей» [7].

Законы, создаваемые человеком, призваны лишь воспроизводить существовавшую и до них справедливость. «Говорить, что вне того, что предписано или запрещено положительным законом, нет ничего справедливого или несправедливого, значит утверждать, что до того, как был начерчен круг, его радиусы не были равны между собой» [7].

Монтескье утверждает, что законы общества столь же неизменны по своей сути, как и физические законы, но они часто нарушаются людьми, поскольку те в силу своих ограниченных способностей склонны заблуждаться и поддаваться страстям. Для контроля поведения человека и предназначены религия, мораль и положительные законы [7].

Как и другие мыслители материалистического направления, Монтескье видит в человеке существо, прежде всего стремящееся к самосохранению: «назначение людей состоит в том, чтобы сохранять себя, питать, одевать и принимать участие в общественной деятельности» [7].

Таким образом, взгляды Монтескье на природу человека принципиально близки к воззрениям Т. Гоббса, Дж. Локка и других мыслителей, исходивших в своих рассуждениях из эгоистической сути человека. При этом не делается попыток изменить сущность человека. Проблема состоит в том, чтобы создать такую правовую систему, при которой самые низменные мотивы приносили бы пользу обществу.

Сходство отмечается и в скептическом отношении к интеллектуальным возможностям людей. Французский мыслитель замечает, что народ скорее руководствуется своими страстями, «чем доводами рассудка, которые никогда не производят большого действия на умы» [7].

Монтескье считает очевидным, что людьми движет стремление к пользе. При этом люди часто ориентируются только на решение непосредственных сегодняшних проблем, игнорируя отдаленные перспективы.

Лучшая система правления должна быть выстроена таким образом, чтобы это стремление вынуждало людей быть добрыми, то есть приносить пользу и другим людям, и тем самым решать проблему соотношения личных и общественных интересов. «Большое счастье для людей — находиться в положении, которое заставляет их быть добрыми ради собственной выгоды, в то время как страсти внушают им злобные мысли» [7].

В своих работах Монтескье чаще использует как синоним слова «польза» термин «благо», что не меняет смысла его рассуждений. Он исходит из того, что люди стремятся к благу и хотят избежать вреда.

Таковы основы человеческой природы в понимании Монтескье. Изложены они кратко, теряются в огромном массиве приведенного им фактического материала и поставленных им собственно правовых проблем и, возможно, поэтому не все они привлекли внимание исследователей его творчества. Однако без учета этих положений трудно понять в полной мере логику его рассуждений о проблемах права.

В данной работе делается попытка показать, каким образом у Монтескье природа человека, являющаяся проявлением более широких природных закономерностей, влияет на право.

Отметим, что теория разделения властей является лишь следствием его постоянно повторяемой идеи об эгоистичной сущности человека, что, в частности, выражается в том, что «всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела» [7].

Аргументы Монтескье в пользу представительной демократии связаны с ограниченными интеллектуальными способностями среднего человека: «большинство граждан вполне способно быть избирателями, но не имеет всех нужных качеств для того, чтобы быть избираемыми» [7].

Республики же, в которых народ непосредственно принимает активные решения, Монтескье считает несовершенными. «Народ для этого совсем не пригоден, что и составляет одну из слабейших сторон демократии» [7].

Известное положение французского мыслителя о том, что небольшие по территории страны тяготеют к демократии, имеет вполне материальное объяснение, которое может быть сведено к проявлению эгоистической природы человека. Он указывает на то, что чем меньше размеры государства, тем больше шансов на совпадение общего и частного блага. «В небольшой республике общее благо живее чувствуется, яснее сознается, ближе к каждому гражданину; злоупотребления встречаются там меньше простора, а, следовательно, и меньше покровительства» [7]. Таким образом, гражданин заинтересован в демократии и поэтому оказывает ей поддержку.

Соотношением блага и вреда должны определяться, по Монтескье, и действия законодателей, которые обязаны предусмотреть минимизацию ущерба для гражд-

дан со стороны преступников: «законодатель должен стремиться к тому, чтобы не совершалось крупных преступлений, которые наносят обществу больший вред, чем менее серьезные».

С этой целью предлагается ввести градацию наказаний в соответствии с опасностью преступлений. Разница между наказаниями должна быть достаточно существенной, с тем, чтобы остановить потенциального преступника от совершения наиболее тяжких преступлений. «У нас очень дурно делают, что назначают равное наказание за грабеж на большой дороге и за грабеж, сопровождающийся убийством» [7].

В качестве положительного примера Монтескье приводит именно использование дифференцированных наказаний, имевшее следствием предотвращение наиболее опасных преступлений. «В Китае разбойников рассекают на части, а простых воров — нет: благодаря этому различию там воруют, но не убивают» [7].

Примером другого рода, то есть неправильного, упрощенного и поэтому неэффективного применения наказаний у Монтескье является Россия. «В Московском государстве, где воров и убийц наказывают одинаково, грабеж всегда сопровождается убийством. Мертвые, говорят там, ничего не расскажут» [7].

Французский исследователь исходит из того, что преступник рационален: если установлен некий «потолок» наказаний, то он будет совершать наиболее тяжкое преступление. Он будет исходить из оптимального для него соотношения возможных приобретений и потерь.

Часто цитируемое положение Монтескье о том, что безнаказанность преступлений опаснее, чем слабость наказаний, искажает его мысль, когда вырывается из контекста его рассуждений. В предыдущем предложении он утверждает, что по отношению к людям «надо экономно использовать предоставленные нам природой средства руководства ими» [7].

Монтескье не выступал безоговорочно за смягчение наказаний, как это часто считают. Он указывает, что применение лишь самых суровых наказаний создает эффект привыкания и они со временем перестают выполнять сдерживающие функции. Разумная правовая политика предполагает использование государством всех доступных средств, способных, так или иначе, повлиять на потенциального преступника.

При анализе логики рассуждений мыслителя становится понятным, что он выступал против чрезмерно жестоких наказаний в тех случаях, когда они просто неэффективны и когда наказания заведомо сильнее, чем причиненный преступником обществу ущерб.

Само же по себе применение принуждения по отношению к преступнику по необходимости, вплоть до смертной казни, он считал само собой разумеющимся. «Смертная казнь преступника имеет свое оправдание в том, что закон, который его карает, был создан для его же пользы. Например, убийца пользовался защитой осудившего его закона, последний ежеминутно охранял его жизнь, и потому он не может протестовать против него» [7].

Несмотря на наличие государства, право на самозащиту сохраняется и за человеком, поскольку государство не всемогуще. При этом делается оговорка: «человек может осуществлять это право самообороны лишь в краткие моменты такого положения, когда он погиб бы, если бы стал дожидаться, пока ему помогут законы» [7].

Монтескье постоянно подчеркивает, что естественные природные закономерности важнее, чем правила, установленные человеком. Право на самосохранение при этом превалирует над любыми условностями: «Для кого не очевидно, что требования естественной самозащиты выше всех предписаний!» [7].

Монтескье многократно подчеркивает, что неоправданное и ужесточение, и смягчение наказаний вредит правосудию. Проблема в том, чтобы наказание точно соответствовало преступлению.

Причем грамотное уголовное судопроизводство, по его мнению, «важнее для человечества всего прочего в мире» [7]. Это естественно, поскольку речь идет о противостоянии наиболее опасным для человека преступлениям.

«Свобода торжествует, когда уголовные законы налагают кары в соответствии со специфической природой преступлений. Здесь нет места произволу; наказание зависит уже не от каприза законодателя, но от существа дела, и оно перестает быть насилием человека над человеком» [7].

Отметим, что в данном случае Монтескье говорит о неуместности использования бытовой лексики в деле осуществления правосудия. Слово «насилие», изначально несущее в себе некий негативный, осуждающий оттенок, просто не подходит по значению, поскольку, по его мнению, речь идет о совершенно естественных и объективно необходимых действиях.

Выделяются четыре вида преступлений: против религии, против нравов, против общественного спокойствия и против безопасности граждан. Самыми опасными преступлениями Монтескье считает те, которые направлены против безопасности граждан. Поскольку они приносят наибольший ущерб, предлагается противодействовать им наиболее суровыми наказаниями, то есть казнью [7].

«Это своего рода талион, посредством которого общество лишает безопасности гражданина, лишившего или покушавшегося лишить безопасности других» [7].

Обращает на себя внимание тот факт, что Монтескье не видит разницы в вине за совершенное преступление и в покушении на него. То есть в данном случае сам факт попытки совершения преступления, как показатель серьезной социальной опасности преступника, гораздо важнее, чем степень завершенности самого преступления, которая зависит от разных случайных обстоятельств.

По мнению Монтескье, талион не уходит полностью в прошлое. Наказание должно быть адекватно преступлению, но осуществляться оно должно не родственниками пострадавшего, а государством.

Причем, по мнению великого француза, при определенных обстоятельствах возможно применение смертной казни по отношению «к преступлениям, нарушающим безопасность собственности». Наверное «было бы лучше и сообразнее с природой, если бы преступления против собственности наказывались бы только лишением собственности.<...> Но так как охотнее всего покушаются на чужую собственность те, кто не имеет своей, то явилась надобность добавить к денежному наказанию еще и телесное» [7]. Таким образом, эффективность наказания определяется ее способностью нанести реальный ущерб преступнику. Если человек не располагает собственностью, то требуются более жесткие наказания с целью нанесения ему действительного урона.

В данном случае в основе принципов определения наказания опять же лежит соотношение приобретений и потерь для преступника.

Последовательная защита права собственности в рассуждениях Монтескье очень напоминает более поздние высказывания классиков консервативной мысли Берка и Гамильтона.

Монтескье постоянно подчеркивает, что его рекомендации по соотношению преступления и наказания лишь воспроизводят природные закономерности. «Смертная казнь является как бы лекарством для больного общества» [7].

Вообще закон, не предполагающий адекватного наказания, не будет работать. Сила человеческих законов покоится «на страхе перед ними» [7].

Мыслитель периодически возвращается к проблеме относительности наказаний в разных условиях. Логично прослеживается простой принцип: чем тяжелее

условия жизни в обществе, тем более жесткие наказания требуются для достижения целей правосудия. Чем больше число возможных потерь, тем легче выбрать вид наказания, лишая человека тех или иных благ.

Это проявляется в рекомендациях относительно использования разных видов казни. «В деспотических государствах люди так несчастны, что они не столько дорожат жизнью, сколько боятся смерти, поэтому казни там должны быть более жестокими. В умеренных государствах люди более дорожат жизнью, чем боятся смерти, поэтому там достаточны казни, заключающиеся в простом лишении жизни» [7].

Народ, состоящий «из беглецов, рабов и разбойников» нуждается в суровых законах [7].

Если свобода не несет с собой никаких особых благ, то ею не дорожат. Монтескье объясняет безразличие к свободе населения деспотических государств именно тем, что она не представляет здесь никакой особой ценности. «Московиты очень легко продают себя. И я знаю почему: потому, что их свобода ничего не стоит» [7].

Это означает, что не может быть одинаковой шкалы наказаний в разных странах. Поскольку иерархия ценностей в разных странах неизбежно будет разной, что связано не только с общим уровнем развития, но и с особенностями национальных укладов, то наказания должны будут различаться.

Такой подход Монтескье и лежит в основе одной из его принципиальных идей: попытки создать некую одинаково эффективную для всех народов систему законодательства являются утопией.

Критерий оценки правовых норм прост: это их способность приносить благо. Именно это качество, а не некие формальные признаки делают законы законами. «Законы можно изменять, потому что они признаются законами только когда они хороши» [7].

Идея о необходимости градации защищаемых законом интересов проходит через все рассуждения Монтескье. Как отмечалось выше, безопасность человека он ставил выше всего.

«Законы, побуждающие видеть необходимое в том, что само по себе безразлично, имеют то неудобство, что побуждают видеть безразличное в том, что необходимо» [7]. Таким образом, бессистемное механическое увеличение числа законов не только не способствует защите первоочередных интересов человека, но наоборот, отдаляет решение этой проблемы, поскольку законы искажают иерархию объективно существующих в обществе ценностей.

То есть не следует анализировать проблемы эффективности права, не вникая в содержание конкретных законов: «бесполезные законы ослабляют действие необходимых законов» [7]. Следовательно, польза является у Монтескье главным критерием оценки любых правовых явлений.

Мыслитель дает очень высокую оценку законам варварских германских народов, за то, что они удивительно точно устанавливали размер возмещения ущерба потерпевшему. Главная причина такой точности заключается в том, что «закон ставил себя в положение обиженного» [7]. Таким образом, адекватная защита интересов потерпевшего — главный критерий эффективности действия законов.

Монтескье глубоко убежден в необходимости сохранения за человеком права на самозащиту и поэтому он считает, «что совершенно противно природе вещей, если ношение огнестрельного оружия наказуется как уголовное преступление» [7]. То есть ношение оружия при себе и злоупотребление оружием — принципиально разные вещи, следовательно, законодатель ни в коем случае не должен их уравнивать.

Монтескье в своих основных посылках близок к утилитаристским концепциям Т. Гоббса, Б. Спинозы и Дж. Локка. Но Монтескье уделяет менее пристальное внимание разъяснению теоретических основ собственных рассуждений. Его идеи — это своего рода детальная юридическая разработка теорий построения государства и права, ранее изложенных мыслителями утилитаристского направления.

По логике великого французского мыслителя, исследовать проблемы создания и функционирования эффективного законодательства не имеет смысла, если не рассматривать вопрос о соотношении ущерба, нанесенного в результате совершения преступления, и следующего за ним наказания. Представляется, что идеи Монтескье, касающиеся уголовной политики государства, и прежде всего соотношения преступления и наказания, не менее важны, чем разработанная им классическая теория разделения властей. Принципиальный характер носит утверждение мыслителя о том, что любая система права отражает специфику определенного общества, господствующую в нем систему ценностей, уровень преступности и так далее. Поэтому универсальные правовые нормы, одинаково пригодные для разных народов, являются фикцией.

Это означает, что любые попытки законодателей (и российских в том числе) создать правовые нормы, игнорирующие реальное положение вещей в сфере преступности, приведут лишь к принятию неэффективного законодательства. Чрезмерное опережение социальной реальности в правотворчестве в надежде на желаемый, но пока не достигнутый прогресс чревато отторжением самого государства со стороны общества. По Монтескье, суть действий законодателя может быть сведена к юридическому оформлению действующих в обществе институтов, стереотипов поведения, системы ценностей. Монтескье многократно высказывается против волюнтаристского диктата со стороны законодателей, к чему тяготели мыслители левого толка. Бессистемные изменения российского Уголовного кодекса в последние годы (например, изъятие конфискации как санкции 08.12.2003) представляются образцом именно такого рода действий.

Представляется, что воззрения Монтескье по основным позициям, по иерархии защищаемых ценностей близки к взглядам правых мыслителей XVIII века, Берка и Гамильтона, считающихся классиками консервативной мысли.

Фундаментальные правовые идеи и конкретные рекомендации Монтескье носят глобальный характер и чрезвычайно актуальны сегодня, в том числе для России с ее высочайшим уровнем уголовной преступности. Нынешнее безрадостное положение вещей в этой сфере во многом является следствием игнорирования законодателями выводов Монтескье. В частности, можно отметить как особенно злободневные его идеи о необходимости адекватности наказания преступлению, о необходимости реальной защиты права собственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баскин М. Монтескье. М., 1975.
2. Азаркин Н. М. Учение Монтескье о праве // Политико-правовые идеи и институты в их историческом развитии. М., 1980. С. 37-46.
4. Ковалевский М. М. Дух законов // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М., 2000. С. 413-490.
5. Берк Э. Размышления о революции во Франции. М., 1993.
6. Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея: Пер. с англ. М., 2000.
6. Монтескье Ш. Размышления о причинах величия и падения римлян // Избранные произведения. М., 1955. С. 258.
7. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955.